

ВИТЕБСК НЕ СДАЕТСЯ!

Так называемые «историки», как зарубежные, так и доморощенные, искажая многие аспекты Великой Отечественной войны, наиболее яростно фальсифицируют ее начальный период и партизанское движение в целом (включая подполье). Так, они утверждают, что в 1941 году и в начале 1942-го патриоты в тылу врага не нанесли немцам никакого ощутимого вреда и ущерба. Конечно, подобные измышления можно опровергать данными наших архивов, что мы попытаемся сделать на примере боевой деятельности витебского городского подполья, но прежде сошлемся на свидетельства самих гитлеровцев.

Например, бывший начальник военно-транспортного управления группы армий «Центр» полковник Г.Теске со знанием дела оценивает действия советских партизан, поскольку его службе от них доставалось в первую очередь.

Вот что он писал: «Первая битва, которую проиграл вермахт во второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941/42 годов. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе... В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны» (Цит. по книге П.К.Пономаренко «Всемирная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков», 1986, стр. 67).

И еще одно подтверждение противника сказанному выше. Уже 25 июля 1941 года (через месяц после начала войны) главное командование немецко-фашистской армии подготовило свой первый доклад о действиях советских партизан. И уже тогда оно считало эти действия серьезной опасностью для своих коммуникаций.

А ведь это был самый сложный, самый трудный период борьбы патриотов в тылу врага. К зверскому оккупационному режиму, непрерывным карательным акциям врага добавилась исключительно снежная и мо-

розная зима. Тем не менее партизанское движение и подпольная борьба на оккупированной территории приняли такой размах, какого не было нигде и никогда.

Кто же руководил этим движением? Почему оно так быстро крепло и росло? Об этом мы и постараемся рассказать.

В диверсионно-боевой деятельности витебского городского подполья резко различаются два периода: с начала оккупации и до открытия Витебских (Суражских) «ворот» в феврале 1942 года. Второй — после их открытия.

Как правило, патриоты наносили удары по жизненно важным объектам врага: по железной дороге, аэродрому, военным складам, мастерским и предприятиям, работавшим на оккупантов. Количество и результативность этих боевых действий в первом и втором периоде войны были неодинаковыми. Если в первый год войны преобладали одиночные акты и диверсии, то в последующем они стали носить массовый характер.

Вот отдельные архивные документы о боевой деятельности витебских подпольщиков первого периода. К сожалению, их крайне мало.

«После отступления наших войск мы подобрали на месте боев две винтовки, которые спрятали на чердаке сарая, — вспоминал те дни Константин Шутов, один из подпольщиков по кличке «Гайка». — «Мы знали, что в Мазуринском военном лагере оставлен законный тол... Мы взяли там около десяти килограммов и спрятали». Кстати, К.И. Шуту, активному члену подпольной группы комсомольца Федора Мехова, в 1941 году было всего 17 лет.

Вот другой документ. На трофейном снимке — повешенный гитлеровцами в сентябре 1941 года Владимир Виноградов. Надпись на доске свидетельствует, что он убил немецкого солдата. Вместе с друзьями они по ночам выходили «на охоту» за оккупантами, а однажды сделали попытку взорвать Железнодорожный мост через Западную Двину. Но он хорошо охранялся, и пат-

риотов постигла трагическая неудача.

Многие подпольщики видели свой патриотический долг в спасении советских военнопленных. Так, врач витебского туберкулезного диспансера Ксения Околович со своими подругами Люсьеной Леоновой и Марией Кузнецовой создали своеобразный паспортный стол на дому (Клубный переулок, 9), где они довольно умело подделывали для живых паспорта умерших в диспансере. Околович считала, что ими было выдано не меньше сотни паспортов. Да так удачно, что ни один из них не вызвал у оккупантов подозрения. Многие, кто получал паспорта от Околович, считали, что Ксения Сергеевна работает в паспортном столе оккупантов. Кстати, эта подпольная группа, которая была одной из самых боеспособных и дисциплинированных, начала действовать с июля 1941 года.

Известно, что уже в это время многие подпольщики подавали сигналы советским бомбардировщикам во время их налетов на город. Накануне дня Красной Армии 22 февраля 1942 года пятеро рабочих железной дороги (Т.Корунный, А.Жевлаков, Б.Маслаков, Е.Кривенко и Павлов) решили отметить этот праздник так: просигналить советским самолетам, когда те появятся над городом. В коробку (без крышки) заброшенного кондукторского помещения они еще днем натаскали дров, досок и мазута. И когда в ночном небе послышался гул советских самолетов, разожгли огонь. Сверху его было хорошо видно, и летчики прекрасно поняли сигнал, «разгрузившись» над железной дорогой. Но гитлеровцы тоже не дремали и быстро оцепили этот район. Павлова, который стоял на страже, убили сразу, остальных арестовали, а через два часа расстреляли в развалинах клуба металлистов. Видно, жандармы торопились, поскольку Корунный и Жевлаков были только ранены. Под покровом ночи они добрались домой, а затем ушли к партизанам.

Эти примеры показывают, что патриоты Витебска не сидели сложа руки и с первых дней оккупации, не дожидаясь указаний, действовали так, как позволяли обстоятельства и подсказывала их совесть.

С открытием Витебских (Суражских) «ворот» была установлена надежная связь партизан и подпольщиков Витебщины (и всей Белоруссии) с «Большой землей». С появлением в Витебске и под Витебском армейских и оперечекских спецгрупп, надлежащим образом подготовленных к работе в тылу врага, диверсионно-боевая деятельность подполья приобрела особенно широкий размах. Из-за линии фронта стала поступать диверсионная техника, прибывали специалисты минно-подрывного дела, которые передавали свой опыт партизанам.

Для диверсии на железной дороге подпольщики выбирали наиболее подходящие (с точки зрения результативности) места. Так, неоднократно удары наносились по разветвлению железнодорожных путей на Полоцк и Ленинград — там, где дорога проходила в глубокой и узкой котловине. В случае, если диверсия была удачной, то расчистка путей занимала у немцев много времени. Особенной активностью в «работе на транспорте» отличились группы Ф.Мехова, А.Гогули, Н.Нагибова, П.Смирнова, Н.Ляховского и других. В августе 1942 года группа Мехова у деревни Гришаны пустила под откос паровоз и несколько вагонов с боеприпасами. В сентябре она же прикрепила к эшелону с боевой техникой врага шесть магнитных мин. В итоге состав взорвался на станции Заболотинка. В ноябре подпольщики из этой же группы организовали поджог военного склада, где было уничтожено 300 комплектов обмундирования, 400 штук теплых одеял, испорчено 20 автомобильных моторов. А сколько операций было проведено смельчаками по захвату разных ценных документов!

Нина ДОРОФЕЕНКО,
Владимир КОСТЮКЕВИЧ.
(Продолжение следует).

ВИТЕБСК НЕ СДАЕТСЯ!

II

В июле 1942 года в Витебск из Германии прибыл высокопоставленный чиновник железнодорожного ведомства. Местом проживания он избрал здание штаба, но подпольщики достали его и здесь. Через открытое окно подпольщик Андрей Гоголя («Чума») забрался в комнату чиновника (откуда тот только что вышел умываться), сложил в мешок его одежду, портфель с документами, достал из-под подушки никелированный пистолет и был таков. Ребята групп Мехова и Гоголи были смелыми до дерзости и действовали без потерь до декабря 1942 г. Тогда были схвачены и расстреляны многие подпольщики этих групп, в том числе и Андрей Гоголя.

Исключительной боевитостью отличалась подпольная диверсионная группа беспартийного патриота Николая Нагибова. До войны он работал бригадиром поваров ресторана станции Витебск. Заранее заданий он не получал, но, встретившись с окруженцами П.Смирновым и А.Петровым, стали действовать вместе. Вскоре сложилась многочисленная боевая группа, из которой в самостоятельную выделились группы П.Смирнова и Н.Ляховского. В материалах Национального архива Республики Беларусь сохранилось много документов, в которых рассказывается о действиях этих групп.

«28 сентября 1942 года в районе Бителево Нагибовым и Шукиной (его женой) подорван паровоз и шесть вагонов с продовольствием». «В ночь на 26 ноября 1942 года «Смелый», «Скромная» и «Васька» (псевдоним Н.Нагибова, т.Шукиной и В.Степанова) в черте города против Гераськина сада пустили под откос паровоз и 12 вагонов». «В конце декабря 1942-го «Смелый» вместе с партизанами отряда Бириюлина на участке Витебск — Лосвидо (в районе деревни Хайсы) подорвали вражеский эшелон. Под откос слетело пять вагонов».

Работавшие на угольном складе подпольщики из группы Н.Ляховского Изот Куряков, Саша Зелецкий, Виктор Иванов и Стась Воронов подбрасывали замаскированные под уголь мины в топки паровозов и закладывали взрывчатку под пристанционные баракы, где ожидали отъезда солдат вермахта. Если не было мин и взрывчатки, то тогда в буксы вагонов сыпался песок, а стрелки переводились на другой путь.

С врагом сражались подростки и даже дети — например, братья Николай и Леонид Быковы, которые перед войной окончили соответственно восьмой и шестой классы витебской СШ №17. Летом 1942 года они взорвали эшелон на станции Витебск. Однажды в мешке с зерном Леонид (к тому времени связной партизанского отряда) принес в Витебск две магнитные мины и инструкцию по ее применению. Долго Николай искал наилучшее место для них. И нашел: прикрепил к эшелону с какими-то железными бочками. Мины сработали как надо... Впрочем, братья Быковы представляли для наших разведгрупп большую ценность не столько в качестве диверсантов, а именно разведчиков, что видно из характера заданий. Они разведали систему укреплений немцев под Витебском, следили за складом трофейного оружия, работали на железной дороге... Им повезло — они остались живы, хотя Николая немцы арестовывали трижды...

Одним из известных руководителей подпольной диверсионной группы был Петр Зайцев, в довоенном прошлом — инспектор пожарной охраны. Война застала его на военных сборах; потом были бои под Сенно, где он попал в плен. Так Зайцев оказался в лагере военнопленных — на территории пятого железнодорожного полка в Витебске. С помощью местных жителей ему удалось вырваться отсюда. Через Витебские (Суражские) «ворота» он перешел линию фронта и просил командование направить его в действующую армию. Но вместо этого его решили снова направить в тыл врага, поскольку Зайцев имел многочисленных родственников и знакомых в Витебске, хорошо знал обстановку в городе и вокруг него. Немаловажным было и то, что он имел воинскую специальность сапера. Боевой счет группы Зайцева открыла 28 августа 1942 года, взорвав паровоз и уничтожив несколько вагонов с боеприпасами. 17 ноября 1942 г. около деревни Захарово группой был уничтожен паровоз и 35 вагонов; 22 января 1943 г. на участке Городок — Лосвидо под откос был сброшен паровоз и 12 платформ с немецкими танками. В тяжелых боях с карателями Зайцев был ранен, контужен, отморозил ноги. Долго лечился за линией фронта, а потом снова попросился в тыл врага и снова в числе диверсионных групп действовал на железнодорожных магистралях...

Очень эффективным средством диверсионной борьбы были магнитные мины, которые витебские подпольщики получали через связных. Так, в

мае 1943 года связная Н.Сельчикова передала руководителю подпольной группы М.Евдокимову несколько мин американской конструкции. Вот как вспоминал об этом подпольщик этой группы Ф.Ахрамович: «Я обнаружил за Смоленским базаром на бревнах много бочек с бензином. Недалеко от них во дворе стояли машины с прицепами. Вот здесь мы с Евдокимовым Михаилом и решили заложить мину, которую я, спрятав под ремень, провез на велосипеде... Взрывом и огнем было уничтожено около 70 бочек и три автомобиля, от которых остались только рамы».

Нередко свидетельства врага дают более яркую картину, нежели наши документы. Вот что, к примеру, писал в своих мемуарах начальник штаба 3-й танковой армии Отто Гейдкемпер: «Главное беспокойство причиняют партизаны... Весь тыл армии насыщен ими... Из-за постоянной угрозы нападения можно фактически использовать только одну из тыловых дорог, а именно — шоссе, ведущее с запада через Полоцк. Однако и эта дорога только для дневных перевозок и то при условии вооруженной охраны».

Чрезвычайно важным объектом для диверсий были вражеские аэродромы. Один из них находился непосредственно в городе, другой — в нескольких километрах от него; третий аэродром был ложным. Поэтому основные диверсии осуществлялись на городском аэродроме, где действовали группы И.Бекишева, В.Орловского, а также чешские и немецкие антифашисты. Бекишев работал на объекте электриком, а Орловский — кочегаром. Летом 1943 года Бекишев и Орловский заминировали два немецких бомбардировщика. Один из них взорвался над деревней Шевардино, а второй не вернулся на аэродром. Немецкие и чешские антифашисты систематически портили приборы, бензобаки, системы энергообеспечения самолетов, ослабляли крепежные узлы, при случае уничтожали горючее, расстреливая из автоматов бочки с бензином.

Одним из самых распространенных видов диверсий был саботаж на предприятиях, в учреждениях, складах и мастерских. Трижды за 1943 год горели цеха фанерного завода, где действовала подпольная группа Г.Пушкарёва. В результате этот завод, где изготавливались сани, колеса и лыжи для армии оккупантов, был выведен из строя. К стати, связная Е.Спиридонова вывела в партизанский отряд директора, бухгалтера, кассира (с кассой) и механика этого завода...

Подпольной группой сестер

Журинских с хлебозавода №1 была налажена отправка хлеба партизанам. Вот что об этом говорят документы: «В зиму 1942 — 1943 г. дважды вывозился для партизан на автомашинах хлеб по поддельным талонам: один раз 500 кг, второй — 350 кг». Весной 1943 года на хлебозаводе подпольщики устроили пожар, а осенью того же года работавший там кочегаром Николай Великанов сжег в печи около тонны хлеба.

Весьма ощутимым для оккупантов был саботаж и диверсии на торфопредприятиях. Так, в телеграмме хозяйственной инспекции районов «Центр» экономическому штабу в Берлине сообщалось, что во время шести партизанских налетов (преимущественно на торфоразработки в районе Витебска) было уничтожено шесть локомотивов, две машины и все оборудование на двух торфоразработках. Учитываю суровость русских зим, эти потери для оккупантов были ощутимыми... В системе торфоразработок действовали подпольные группы Л.Хрипача (который возглавлял все торфоуправления области) и А.Козлова (руководителя торфоразработок «Городнянский мох»). К сожалению, из этих боевых подпольных групп почти никто не уцелел...

Говоря о витебских подпольщиках, нельзя не рассказать о группе Василия Вербицкого, бывшего до войны сотрудником НКВД по Барановичской области, и его сослуживце Семене Бурлакове. На протяжении почти двух лет чекисты действовали без потерь и провалов, доставляя командованию ценные разведанные, а партизанам — оружие и медикаменты. Подпольщики этой группы Н.Винокуров, Л.Щеглова, П.Иванов, В.Лукьяненко, Н.Филипповский, М.Котова и Ю.Шнитов фактически растащили склад трофейного оружия врага. Только за апрель — май 1943 года они вынесли со склада трофейного оружия 4000 патронов, 20 гранат, 6 кг взрывчатки, пулемет, два автомата и т.д. Летом 1942 года Ю.Шнитов, работавший на складе водителем легкового автомобиля, вывез партизанам сразу пять ящиков гранат...

Беда настигла группу Вербицкого в апреле 1943 года, когда в нее проникли т.н. ловцы партизан из числа предателей, работавших на немецкую контрразведку. Группа Вербицкого пострадала от этих провокаторов больше других: 18 подпольщиков были расстреляны, многие направлены в лагерь СД.

Нина ДОРОФЕЕНКО,
Владимир КОСТЮКОВИЧ.
(Окончание следует).

ВИТЕБСК НЕ СДАЕТСЯ!

III

Среди подпольных диверсионных групп города были две семейные группы — И. Вялова и В. Кириленко. Нелегко было столяру фабрики «Знамя индустриализации» Иллариону Вялову одному воспитывать пятерых детей без матери, умершей еще до войны. Но выросли они настоящими людьми. Большую роль тут сыграла племянница Иллариона Семеновича, отважная партизанская связная Дуся Спиридонова. Сначала она доверяла детям относиться знакомым советские газеты и листовки, а однажды Илларион Семенович нашел в шкафу для белья тол и мины... Скоро отец и дети стали действовать вместе.

«Отец и дочь Вяловы возвращались в Витебск поздно вечером», — писал в своей книге «Годы испытаний» К. Груздев. «Илларион Семенович тащил на плече мешок, в котором было немногим более пуда муки и килограмма четыре тола. У Василисы в сумке — несколько кусков сала и масло. В масло заделана малогабаритная магнитная мина». Чтобы как-то прокормить семью и не вызывать у оккупантов подозрения, Вялов устроился на работу в ремонтно-строительную организацию — дважды ремонтировал вокзал и дважды поджигал сделанное...

Вскоре Василиса («Дина») заложила мину в здание биржи труда в Витебске. Уборщица обнаружила мину, и взрыв был предотвращен. Однако шума вокруг этого было много.

Неудача не обескуражила юную подпольщицу — вскоре ей удалось взорвать здание городской полиции. Вот как об этом говорится в донесении начальника штаба 1-й Витебской партизанской бригады И. Крицкого и секретаря Витебского подпольного райкома партии Б. Коголя: «19 января 1943 года в 12 часов дня разведчица-диверсантка по кличке «Дина» пробралась в здание городской полиции и паспортного стола г. Витебска по ул. Толстого, положила 3,5 кг тола и 1,5 л бензина, зажгла бикфордов шнур и ушла. В результате возник взрыв, где все здание, кроме наружных стен, выведено из строя. Второй этаж обвалился вместе с находящейся там организацией неизвестного значения. Убито два полицейских, пять человек ранено».

В свои 13 лет Аня Вялова вместе с братом Алешей (который был на год моложе) доставляла партизанам разведданные, а обратно приносила в город тол, советские листовки и газеты. Долгое время полиция не

обращала на детей внимания. Но однажды, когда тол везли Аня с Василисой, их задержали. Полицейский заявил, что давно их заметил, и потребовал, чтобы они развязали свой мешок, в котором, помимо картошки, и потребовал, чтобы они развязали свой мешок, в котором, помимо картошки, и советские газеты. Василиса заявила, что у нее замерзли руки и она не может этого сделать. Попытка развязать мешок не удалась и полицейскому, поскольку маленькие разведчики предусмотрели и такой вариант: всю веревку они завязали маленькими узелками, а потом намочили водой. На морозе узелки так смерзли, что в конце концов полицией выругался, пнул ногой мешок и предупредил детей, чтобы они «тут больше не шлялись»...

Все члены этой мужественной семьи дожили до светлого дня Победы, но испытания, выпавшие на их долю, все же сказались: в 1946 году тяжело заболели и умерли Василиса и Алеша.

Василий Кириленко до войны был участковым третьего отделения милиции г. Витебска. В его подпольную группу входили жена, сын, две сестры, два брата и свояк. Начали с того, что накапывали оружие, а в начале 1942 года приступили к диверсиям. Так, в начале 1942 года его сестра Вера вместе с подростками Костей и Володей заложила мину в печь дома по ул. Фрунзе, где жили немецкие офицеры. В результате взрыва 12 гитлеровцев было убито. В марте они снова втроем уничтожили машину с боеприпасами на территории трамвайного парка. В апреле они подорвали легковую автомашину в Стадионском поселке — в результате взрыва погиб командир зенитчиков и водитель.

Но в августе 1942 года подпольная группа понесла тяжелые потери — когда Костя и Володя шли минировать гитлеровскую автоколонну возле Смоленского рынка, в кармане у Володи взорвалась мина. Он погиб на месте, а у Кости оторвало руку и ногу. Гитлеровцы доставили его в больницу, где пробовали хоть что-нибудь узнать от него, но мальчик ничего не ответил. Все члены группы тут же покинули город и стали партизанскими разведчиками. В живых остались только Василий Иванович и сестра его Дарья. Все остальные члены этой патриотической семьи погибли при выполнении боевых заданий.

Подсчеты показывают, что за 1942 год подпольщиками Витебска было совершено 102 диверсионных акта. В результате под откос было пущено 14 эшелонов

врага с живой силой и техникой, подорвано 2 танка, 32 автомашины, два железнодорожных моста и т.д. Только за сентябрь и октябрь 1943 года подпольщики совершили 47 диверсий!

Одним из наиболее громких дел витебских подпольщиков было уничтожение предателей — тех, кто помогал гитлеровцам устанавливать здесь звериный «новый порядок». Среди таких персонажей — особенно выделялись отец и сын Брандты — заместитель бургомистра г. Витебска и редактор газеты «Новый путь». Утром 26 ноября на Пролетарском бульваре выстрелом в упор был застрелен Брандт-младший, только что вернувшийся из Берлина. «В лагере предателей... смятение, — писал в своем отчете на имя начальника Центрального штаба партизанского движения секретарь ЦК КП (б) г. Эйдинов. — Вся эта свора охвачена страхом и ожидает аналогичной участи». Приговор коллаборанту был приведен в исполнение витебскими подпольщиками И. Наудюнасом, В. Кононовым, М. Стасенко и Е. Филимоновым; подготовкой операции руководил В. Фармашов, работник Витебской опергруппы.

Предварительную разведку, изучение поведения А. Брандта и систему его охраны провел разведчик К. Семенов. Гитлеровцы арестовали 50 заложников — обещалась большая награда тому, кто укажет диверсантов. Таковых не нашлось; заложников тоже освободили по просьбе жены убитого, которая, по рассказам жителей города, не разделяла взгляды семьи Брандтов...

Кем был уничтожен Брандт-старший, неизвестно до сих пор. Известно только то, что исполнителей было двое, они были одеты в немецкую форму и знали пароль. Они расстреляли Льва Брандта и его жену прямо в квартире и, не торопясь, вышли на улицу.

Не на последнем месте у подпольщиков была организация побегов военнопленных. Так, в апреле 1942 года из первой городской больницы патриоты устроили побег полковнику Красной Армии П. Тищенко, который, получив тяжелое ранение, попал в плен к гитлеровцам. Архивные материалы рассказывают, что медработники переправляли в партизаны не только военнопленных, но и мирных жителей, которым угрожала опасность. Так, 7 и 20 мая 1942 года врач тубдиспансера Ксения Околович лично сопровождала группу из 30 человек. Настоящей сенсацией стал побег девяти военнопленных из

логова карателей — фельдкомендатуры. В Витебске рассказывали, что этот побег организовали десантники Красной Армии, переодетые в штатское, а один из них даже якобы регулировал движение на перекрестке дорог возле ветинститута, где находилась фельдкомендатура. На самом деле совершить этот дерзкий побег нашим военнопленным помогли девушки-подпольщицы Виктория и Анна Дунке, а также сестры Солодухины — Анна, Мария, Галина и Зинаида. Кстати, все сестры Солодухины стали впоследствии партизанскими и армейскими разведчицами.

Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Убедившись в бесплодности своих усилий разгромить подполье путем массового террора и расстрелов, гитлеровцы использовали наиболее коварный метод — заслали в подполье хорошо подготовленных провокаторов. Жертвами их стали наиболее боевые диверсионные подпольные группы, поскольку матерым асам немецкой разведки зачастую противостояли обычные советские люди, не обученные приемам контрразведки, зачастую просто не знавшие элементарных приемов конспирации. Да, они быстро учились, но и враг не дремал.

В конце 1943 года в связи с приближением линии фронта гитлеровцы стали эвакуировать свои учреждения и службы, а также склады и госпитали. Город покидали предатели и «фольксдойче». Одновременно шли повальные облавы и депортация гражданского населения на Запад в т.н. рабочие лагеря. Витебск был перенасыщен немецкими войсками, и в марте 1944 был объявлен «крепостью». Поскольку город почти обезлюдел, то базой для подпольщиков служить уже не мог. Немцы оставили только лишь обслугу — несколько сот человек. Об этом, в частности, рассказывал в своих книгах известный разведчик Владимир Карпов, в то время выполнявший в Витебске ответственное задание командования. В городе осталось только несколько подпольщиков, которые затаились в подвалах, в водосточных колодцах и развалинах, которые до самого освобождения Витебска передавали разведданные наступающим войскам Красной Армии. Встречать своих освободителей 26 июня 1944 года вышло из убежищ всего 118 человек.

Нина ДОРОФЕЕНКО.
Владимир КОСТОКОВИЧ.
(Окончание. Начало
в №№ за 22 и 26 июня).